

— Вместе в туалет сходить... — Цзян Чу невольно усмехнулся, услышав это из-за двери. Он поднялся с кровати и пошёл открывать Ду Мяомяо.

— Дядя Цзян, — как-то неловко выдавил Мяомяо.

Ладно парень мялся, но и самому Цзян Чу от этого обращения сделалось не по себе — сразу почувствовал себя старше лет на десять.

— Ну идите, малышня, отлейте за компанию, — обернувшись к Цинь Цзую, поддразнил он.

Цинь Цзуй зыркнул на него как на умалишённого и, едва заметно нахмурившись в сторону гостя, отрезал:

— Не пойду.

— Да пошли! Чего ломаешься? — прикрикнул Мяомяо. Он бесцеремонно шагнул в комнату и ухватил Цинь Цзую за руку, увлекая за собой.

С виду тощий как жердь, Мяомяо всё же был крепким парнем и рванул так, что мало не показалось.

Цинь Цзуй раздражённо поджал губы и уже у самого порога высвободил руку:

— Руки убрал.

Мяомяо спорить не стал, сразу отступил и примиряюще поднял ладони.

— Тебе чего надо? — хмуро спросил Цинь Цзуй.

— В смысле «чего»? Я же сказал — в туалет, — удивился Мяомяо. — Тут из ровесников только мы двое, ещё и из одной школы, поздоровались уже. Что такого, если вместе дойдём?

— Тебе самому-то в радость со старшим братом таскаться? Скукотища же, — вполголоса добавил он и заговорщически толкнул Цинь Цзую локтем.

Цинь Цзуй решил, что у этого типа явно не все дома. Ну или Мяомяо искренне верил в собственную нормальность, хотя со стороны это выглядело дико.

Они пару секунд мерили друг друга взглядами, пока Мяомяо не закатил глаза и сердито не махнул рукой:

— Да топай уже! Я всю дорогу терпел.

Слушая, как перепируются уходящие пацаны, Цзян Чу сладко потянулся на кровати. Всё-таки это было забавно.

Как девчонки в школе, ей-богу, за компанию в туалет бегают.

Похоже, племянник Лао Ду молчал не от скромности, просто считал их компанию унылой.

Оно и понятно: разница в возрасте давала о себе знать. Мяомя с родным дядей и двух слов связать не мог — вечно то ерепенился, то огрызался. А тут выбрался на природу, встретил сверстника из своей школы — вот и оживился.

И то хорошо. Цзян Чу сам переживал, что Цинь Цзуй соскучится в их компании. Здесь ведь не дома, где каждый может заняться своими делами. Да и опекать парня круглые сутки не получится: когда Да Бэнь и остальные начнут беситься, они и про родных жён забудут, не то что про чужих братьев.

Немного повалявшись, Цзян Чу поставил телефон на зарядку. Вскоре заглянул Фан Цзы и позвал обедать.

Столовая располагалась в просторном дворе, стилизованном под деревенскую усадьбу. Посредине высился длинный деревянный стол, всё выглядело опрятно и чисто.

Сразу за двором обустроили погреб со всевозможной снедью. Хочешь — лови домашнюю птицу прямо на месте, хочешь — вставай сам к плите или доверься местному повару.

Хуа Цзы держал ресторан и в подобных вещах знал толк. Он сразу увёл Фан Цзы и Да Бэня выбирать продукты. Раздав хозяину и поварам по сигарете, они вернулись к остальным. Компания расселась по местам, коротая время за пустой болтовнёй в ожидании заказа.

Цзян Чу огляделся в поисках Цинь Цзуя и заметил, что Ду Мяомя тащит того к небольшому столику в тени деревьев. Парень оживлённо жестикулировал, тыча в экран мобильного и что-то увлечённо рассказывая про игры.

По лицу Цинь Цзуя трудно было понять, интересен ли ему этот трёп, но спорить он не стал — лишь со вздохом обречённости опустил на стул рядом с навязчивым собеседником.

Лао Ду примостился рядом с Цзян Чу и придвинул к центру стола откуда-то раздобытую тарелку с семечками.

— А племяш твой быстро освоился, — кивнул Цзян Чу в сторону тенистого уголка.

Лао Ду покосился на Мяомяо и усмехнулся:

— Молодые, мигом общий язык находят.

Когда на столе начали появляться первые блюда, Цзян Чу окликнул Цинь Цзуй, и тот пересел к нему.

Мяомяо перевёл взгляд с Цзян Чу на Да Бэня, полностью проигнорировал дядю и, притащив стул, бесцеремонно вклинился между парнями, попутно попросив «дядю Бэня» потесниться.

Лао Ду даже бровью не повёл — видать, давно привык к таким закидонам.

Бао Ли из-за плеча Да Бэня заговорщически подмигнула Лао Ду, намекая, чтобы тот освободил место подле Цзян Чу для Чэнь Линьго.

Но едва Лао Ду собрался подняться, как Линьго поспешно замахала руками и смущённо улыбнулась:

— Нет-нет, брат Ду, не нужно. Вы же выпивать будете, вам поговорить надо. А я непьющая, только мешать буду.

Попросив хозяина принести для девушки сок, Лао Ду негромко шепнул на ухо Цзян Чу:

— А девчонка-то с головой. Присмотрись, вариант стоящий.

— Глупости всё это, — отмахнулся Цзян Чу. Почему-то Чэнь Линьго его совершенно не цепляла.

Его последние отношения закончились без малого два года назад. Наверное, когда долго живёшь один, заводить новые романы становится просто-напросто лень.

— Ты на меня стрелки не переводи. Сам-то как? — вернул он подачу.

Лао Ду устало вздохнул и с тоскливой усмешкой посмотрел на племянника:

— Какое там... С ним вон вожусь, будто сына воспитываю. Характер — врагу не пожелаешь. Всех невест мне распугал.

Цзян Чу рассмеялся и хлопнул друга по плечу. В голове промелькнула мысль: «Прямо моё будущее», — но он тут же осёкся. Цинь Цзуй не останется у него на всю жизнь. К тому же этот парень слишком рассудителен и спокоен, чтобы устраивать подобные сцены и выживать

потенциальных невест.

В их компании посиделки всегда проходили по одному сценарию: разговоры обо всём на свете и море алкоголя.

Собраться таким полным составом удавалось нечасто, никаких неотложных дел впереди не маячило, так что за временем никто не следил. Стоило пустить бутылку по кругу, как зазвенели бокалы — застолье покатилося полным ходом.

Впрочем, днём все вели себя относительно прилично, особенно Цзян Чу.

Он прекрасно понимал, что обед — лишь лёгкая разминка. Настоящее веселье начнётся вечером, когда все расслабятся и поймут нужную волну. Вот тогда и наступит время для тяжёлой артиллерии: сидеть будут до последнего, пока кто-нибудь не уползёт под стол.

Цинь Цзуй к спиртному не притронулся. Оказавшись в незнакомом месте среди чужих людей, он предпочитал сохранять абсолютно ясную голову.

Цзян Чу и сам не настаивал. Он-то знал, что Цинь Цзуй умеет пить, но Да Бэню и компании об этом знать было незачем.

Эти алкогольные камикадзе меры не знают — зальют по уши. Поэтому Цзян Чу просто сунул парню бутылку спрайта, пускай балуется газировкой вместе с Мяомяо.

Мяомяо общество хмельных взрослых быстро наскучило. Наскоро перекусив, он засобирався к себе и позвал Цинь Цзую составить компанию за приставкой.

Цзян Чу, лениво пережёвывая хрустящую жареную рыбёшку, невольно наострил уши. Цинь Цзуй коротко бросил:

— Не.

— Ладно, поешь — загляну, — не стал спорить Мяомяо и, прихватив тарелку с арбузом, тихонько ретировался.

Обед затянулся до половины второго дня. Первым из-за стола поднялся захмелевший Фан Цзы. Помотав головой, он пробормотал:

— Всё, хорош, пойду прилягу. Мне ещё на рыбалку выползать, надо силы к вечеру поберечь.

— Какая тебе рыбалка, — прыснул Да Бэнь. — Ты ж удочку держать не умеешь, горе-рыболов.

— А «горе-рыболов» — это мягко сказано? — забавляясь, спросила Чэнь Линьго.

— Да у него вечно какие-то дурацкие словечки из ниоткуда всплывают, — улыбнулась Бао Ли, отправляя в рот ломтик арбуза. — К вечеру они вообще окосеют и начнут нести полную чушь. Мы тогда просто сядем за маджонг, пускай сами с собой развлекаются.

В голове у Цзян Чу тоже приятно шумело. Сытный обед, алкоголь и полуденный зной разморили его окончательно. Единственным его желанием сейчас было доползти до номера, врубить кондиционер на полную и провалиться в глубокий сон без сновидений до самого вечера.

Это сладкое чувство сонной лени нежило тело. Он поднялся из-за стола вместе с Фан Цзы. Проходя мимо Цинь Цзуя, Цзян Чу ласково сжал пальцами его шею сзади и легонько щекотно задел мочку уха:

— Я спать. А ты посиди ещё, поешь.

Цинь Цзуй будто током прошибло — по телу пробежала жаркая волна, и он мгновенно выпрямился как струна. Но тут же поднялся, чтобы проводить брата до комнаты.

Цзян Чу по-хозяйски закинул руку ему на плечо и благодушно замурлыкал под нос какую-то легкомысленную мелодию. Цинь Цзуй не сразу узнал в этих хрипловатых звуках старую детскую песенку про вёсла и лодку. Да, подумал он, брат сегодня держал себя в руках, но для его смехотворной нормы алкоголя даже этой малости хватило, чтобы захмелеть.

Стоило им переступить порог номера, как Цзян Чу, даже не дождавшись, пока Цинь Цзуй откроет ему бутылку минералки, рухнул на кровать прямо ничком и мгновенно засопел.

Цинь Цзуй сделал глоток сам, а затем подошёл к постели, чтобы перевернуть соню на бок: негоже спать, уткнувшись лицом в матрас. Надо хоть на подушку его уложить по-человечески.

Почувствовав прикосновение, Цзян Чу приоткрыл сонные глаза и тихонько промычал что-то нечленораздельное. Поймав взгляд Цинь Цзуя, он мягко улыбнулся, закинул руку за голову и полностью расслабился. Позволил бережно приподнять себя за шею, лишь подставил упрямый подбородок, устраиваясь поудобнее, и снова закрыл глаза.

От этой сонной, безоружной улыбки у Цинь Цзуя внутри что-то дрогнуло. По затылку и ниже, вдоль позвоночника, прокатилась странная, будоражащая волна.

Он поспешно отдернул руку. Голова Цзян Чу глухо стукнулась о подушку; тот недовольно поморщился, буркнул сквозь сон какое-то ругательство и сонно поскрёб лопатку.

Сквозь сон Цзян Чу уловил невнятное шушуканье у двери. Судя по всему, неугомонный

Мяомяо опять припёрся звать Цинь Цзюя куда-то.

Цзян Чу, не разбирая слов, тяжело перевернулся на другой бок. В полузабытьи лениво подумал: дома прохода не давал этот Сяоцзя со своим вечным «Цзуй-гэ, Цзуй-гэ», а тут ещё один привязался. Этот Мяомяо, судя по всему, из той же породы — стоит немного сойтись, как начнёт липнуть и шагу ступить не даст...

И почему к Цинь Цзюю вечно липнут эти «малыши»?

Причём исключительно пацаны.

Стоило голосам за дверью стихнуть, как Цзян Чу вновь провалился в сон.

Сновидения пошли путанные, нелепые.

Наложившись на недавний шёпот Мяомяо, образы смешались: то ему чудилось, будто Цинь Цзуй разговаривает по телефону с Сяоцзя, то вдруг Сяоцзя принимал облик Мяомяо, а под конец ему и вовсе привиделось, как Цинь Цзуй обнимается с кем-то из них — приторно-сладко, прямо-таки не разлей вода.

Когда он наконец проснулся, в комнате было хоть глаз выколи.

С тяжёлой, чугунной головой Цзян Чу нащупал телефон, решив, что провалялся часов до восьми вечера. Экран высветил: «00:37».

— Твою мать, — пробормотал он и сел на кровати, хмурясь от резкой рези в глазах. Стал шарить по тумбочке в поисках выключателя, но ничего не нашёл. Он был один в полной тишине, нарушаемой лишь далёким стрёкотом цикад за окном.

«Где Цинь Цзуй? Всё ещё торчит у Мяомяо?»

«И почему меня никто на ужин не разбудил?»

Нащупав на краю тумбочки недопитую бутылку воды, Цзян Чу осушил её в несколько жадных глотков.

Да Бэнь с ребятами, должно быть, до сих пор гуляли вовсю. Цзян Чу уже собрался подняться и пойти на их поиски, как вдруг из коридора донеслись тихие шаги и приглушённый мужской голос. Это был Цинь Цзуй — судя по всему, он снова с кем-то созванивался. Вместо того чтобы сразу войти, парень замер у самой двери, тихо роняя слова.

Цзян Чу порывался было встать и распахнуть дверь, но едва его ладонь оторвалась от покрывала, снаружи донеслось негромкое: «Сяоцзя». Цзян Чу замер на мгновение и бесшумно опустился обратно на матрас.

— Если ты опять за своё, нам лучше вообще больше не общаться.

Голос Цинь Цзуй звучал ровно, глухо и без капли эмоций.

— То, что я такой, — тебя не касается. И между нами ничего быть не может. Надеюсь, уяснил?

Стоило фразе оборваться, как щёлкнул замок. В комнату, обдав прохладной свежестью после душа, вошёл Цинь Цзуй — в одних домашних шортах и шлёпанцах.

Разглядев в темноте смутный силуэт на кровати, он невольно вздрогнул и торопливо щёлкнул выключателем на стене.

Резкий свет больно ударил по глазам. Цзян Чу заслонился ладонью и сквозь пальцы пристально посмотрел на младшего.

— Так кто ты? — спросил он, прищурившись.

<http://bllate.org/book/18398/1786511>